

ВОЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ОСТГОТСКОЙ ИТАЛИИ

(РУБЕЖ V–VI ВЕКОВ)

В.М. ТЮЛЕНЕВ

В статье преимущественно на материале сочинений Эннодия и Кассиодора анализируются традиции военного воспитания в Остготской Италии и их преломление в латинской риторике. Показано, что в новых политических условиях, после установления власти Теодориха Великого, когда римляне в подавляющем большинстве были отстранены от исполнения военных обязанностей, педагогические усилия представителей римской элиты оказались направлены на обучение детей свободным искусствам и прежде всего риторике. Источники же свидетельствуют главным образом о воспитании военного духа и о формировании боевых навыков у готской молодежи. В статье показано, что главной целью воспитания воина-гота было воспроизведение в молодом человеке образа предков (отца, деда) и формирование набора традиционных для воина качеств, объединенных в понятии доблести (*virtus*). Особое место в этом процессе занимали военные игры (*militares ludi*), в ходе которых оттачивались навыки верховой езды, стрельбы из лука и пр.; важнейшим же принципом такого воспитания был принцип состязательности (агональный дух воспитания). Одновременно с этим отмечается, что римская риторика навязывала германской традиции воспитания воинов нравственный идеал. По мысли Кассиодора, человек, владеющий оружием, должен стремиться также к нравственной чистоте. Кроме того, в статье показано, что военное воспитание в Остготской Италии могли получать дети римских аристократов, что, скорее всего, было возможно при размывании культурной идентичности, инкорпорации в германский социум.

В своем панегирике королю Теодориху Великому, составленном в 507 г., медиоланский диакон Эннодий среди похвал новому повелителю Италии благодарил его особенно за принесенный на Апеннины мир, благодаря чему силовое разрешение конфликтов сменилось судебными спорами, а место кровопролитных сражений заняли военные упражнения готской молодежи. При этом Эннодий позволяет читателю увидеть, каким образом осуществлялись эти тренировки. Обращаясь к королю, он пишет: «...какими словами следует воспеть то, что ты... следишь, чтобы на твоих глазах неукротимая молодежь среди благ мира тренировалась для войны? До сих пор сохраняют крепость сил уже одержавшие победы отряды, и уже растут новые! Закаляются мускулы от [метания] копий, и, играя, [юноши] совершают те же действия, что и смелые [воины]... Пока они бросают с помощью детских ремней для метания упругие копья, пока луки, которые могли бы ежедневно убивать людей, нацеливают вдаль, вся область у стен города оказывается вытоптана в ходе демонстрации стычек» (Ennod. *Op.* 263. 83-84)¹.

Это описание военных игр готской молодежи, несмотря на его краткость², пожалуй, самое обстоятельное для рубежа V-VI вв., позволяющее увидеть, с одной стороны, отношение римлянина к новым практикам, принесенным варварами в жизнь Италии, а с другой стороны, сами эти практики, имеющие прямое отношение к военному воспитанию. Рассматривая приведенную выше цитату в контексте всего панегирика и даже всего литературного наследия Эннодия, без труда можно ощутить, насколько изменилось у римлян периода становления варварских королевств восприятие окружающей социальной действительности. Нам уже приходилось писать о том, что, несмотря на ощущение стабильности и даже процветания римского мира в конце V – начале VI в., положение римской аристократии в общественной и политической жизни существенно из-

¹ Здесь и далее ссылки на сочинения Эннодия с указанием номера произведения (*Op.*) и отрывка даются по изданию: *Ennodius M.F.* Orega / Ed. F. Vogel // *MGH AA Bd. 7.* Berlin, 1885.

² Разумеется, подобное описание военных игр несопоставимо ни по объему, ни по содержанию с «Тактикой» Арриана, где представлен римский кавалерийский турнир. О нем см.: *Негин* (2010). С. 31-35.

менилось³. В течение V века она лишилась прежде всего своей военной функции. Если верить свидетельству Анонима Вalezия, то Теодорих в конце своего правления запретил римлянам ношение оружия, «даже небольших ножей» (*Anon. Val. XIV.83*). Многочисленные литературные свидетельства не оставляют у читателей сомнений, что сами представители римской знати видели себя уже связанными не с использованием меча, но с ношением гражданской тоги или священнического паллия.

Изменения социальной роли римлян в новом политическом мире привели к серьезному пересмотру всей ценностной шкалы. Тот же Эннодий в письме 501 г., направленном к Флавию Фаусту, славословя молодого консула Авиена, сына своего адреса, ставит его достоинства и достижения выше заслуг таких великих римлян, как Фабий, Торкват, Камилл и Деций, победителей вейян, галлов, самниев (*Ennod. Op. 9. 5-6*). В новых исторических условиях, когда судьба Рима зависела уже не от римских, а от готских мечей, когда римлянам практически не осталось места в военной системе государства, Эннодию поневоле приходилось пренебрегать славой легендарных римлян, связанной с победами на полях сражений, ставя акцент на образованности своего героя и прославляя его успехи в риторике.

В еще более резкой форме интеллектуальные достижения как путь к возвышению и к славе противопоставлены воинской доблести в письме Эннодия к Бозцию, написанном в 510 г. по поводу получения последним консульства. Восславив Бога как главного виновника успехов Бозция, Эннодий пишет далее похвалу новому консулу: «...у предков обычным было стяжать вершину курульного кресла трудом на [ратном] поле... но ты ищешь иной род добродетели... Наш претендент после решительного сражения получил заслуженный триумф, между тем как никогда не видел войны. В суде он снискал лавровые венки и не считал необходимым вступать в сражение. Он просиял меж мечей Цицерона и Демосфена и достиг вершин как одного, так и другого из названных [ораторов], словно рожденный в самое мирное для искусств время» (*Ennod. Op. 370.3-4*).

В то же время, нелишним будет вспомнить рассказ Прокопия Кесарийского, приведенный им в самом начале «Войны с готами»,

³ Тюленев (2014). С. 305-316.

где он говорит о реакции германской знати на решение королевы Амаласунты отдать юного Аталариха в школу и указывает, что те «обвиняли ее, что сын ее воспитывается не правильно и не так, как следует для их вождя; что науки очень далеки от мужества, а наставления старых людей по большей части обычно приводят к трусости и нерешительности... необходимо, чтобы тот, кто в будущем хочет быть смелым в любом деле и стать великим, был избавлен от страха перед учителями и занимался военными упражнениями. Они говорили, что Теодорих не позволял никому из сыновей готов посещать школы учителей» (Proc. *BG* I.2; пер. С.П. Кондратьева). Упреки, если верить Прокопию, закончились требованием удалиться учителей от Аталариха и дать ему обычное для германца воспитание. Сопоставление этого рассказа с оценками Эннодия и других римских писателей, искавших способ спасти римским мир в традиционной системе образования, способно убедить читателя в том, что на Апеннинях конца V – первой половины VI в. существовали две образовательные системы: германская, ориентированная на воспитание воинов, и римская, связанная с изучением свободных искусств⁴.

Сказанное выше ставит, по крайней мере, два вопроса. Во-первых, что нам известно о военном воспитании германцев вообще и готов, в частности, помимо того, что позволяет заключить приведенная в самом начале статьи цитата из панегирика Эннодия; во-вторых, сохранялись ли какие-то традиции военной подготовки молодежи у римлян в период существования Остготского королевства в Италии? Решению этих двух вопросов и будет посвящена данная статья.

Начнем по порядку, с рассмотрения первого вопроса. О внимании со стороны остготской королевской власти к вопросам подготовки воинов помимо панегирика, составленного Эннодием, говорят прежде всего тексты «Варий» Кассиодора. Не забывая о том, что Флавий Кассиодор, создавая послания и речи от имени готских королей, наполнял их «римским» звучанием, в результате чего читатель вынужден чаще слышать римского ратора, нежели варварского

⁴ *Riché* (1962). P. 102–107; *Vitiello* (2006). P. 40–44.

конунга⁵, мы не должны тем не менее отказывать текстам «Варий» в более или менее достоверном отражении как германских практик, так и германского менталитета.

Чтение целого ряда писем, включенных в «Варии», показывает, что аксиологические представления германцев, в том числе о доблести и путях ее достижения, мало изменились к VI в. со времен Корнелия Тацита и его «Германии». Как и германцы, описанные у Тацита почти за четыре сотни лет до образования Остготского королевства в Италии, соплеменники Теодориха считали войну важнейшей частью социальной жизни, а подготовку молодежи к войне — определяющим условием сохранения культурной самобытности. Именно готовность юноши к участию в войне превращало его в полноценного члена общества. Как писал об этом Кассиодор, у готов именно доблесть демонстрирует, что человек уже достиг «правового возраста» (*aetatem legitimam*) (Cass. Var. I.38.2). В этой системе ценностей покой (*otium*) оказывался несовместим с доблестью и мужественностью, и если в какое-то время не оказывается повода к войне, то этот «отдых» необходимо использовать исключительно для подготовки к новым сражениям. Не случайно, обращаясь к сиятельному мужу, комиту Освину (судя по имени, германцу), Кассиодор от лица Теодориха настаивает на том, чтобы воины готовили себя к предстоящим сражениям: «пусть воин во время покоя (*in otio*) учится тому, что может пригодиться во время войны» (Cass. Var. I.40.1). Предметом гордости оставалась сопричастность войне, которая и определяла место человека в обществе. Не удивительно поэтому обращение короля Витигеса к готам (536 г.), где он пишет, что был избран королем не в тесных покоях, а на широком поле, не под веселый шум бесед, а под звуки боевых труб (Cass. Var. X.31.2). Итак, рассмотрим, каким образом шло формирование готов-воинов и какое риторическое оформление эти педагогические практики варваров получали у Кассиодора.

В 408 г. Теодорих во время подготовки похода в Галлию поручил Флавию Кассиодору подготовить письмо, названное им «Ко всем готам» (*Universis gothis Theodericus rex*). В этом послании Кассиодор от лица короля, если не формулирует программу воспитания

⁵ Шкаренков (2004). С. 17-18.

воинов, то по крайней мере указывает на наиболее важные компоненты этого процесса. Начав с напоминания о том, что человек всему должен учиться в раннем возрасте, поскольку «то, что не изучается в юности, остается неведомым во взрослом возрасте» (Cass. Var. I.24.3), автор призывает взрослых воинов-остготов взять с собой в поход молодежь, чтобы та под началом своих отцов приобретала тот опыт, который ей самой предстоит передать потомкам: «Погружайте юношей ваших в марсову науку, пусть они под началом вашим видят, что они должны передать потомкам» (Cass. Var. I.24.3). Эта же мысль о необходимости учиться ратному делу на практике проводится им и в другом письме, адресованном префекту претория Абунданцию и написанном в самом конце правления Теодориха, предположительно в 525 или 526 г. В нем Кассиодор еще раз использует образ «Марсовой школы», изображая войну как необходимый экзамен для ее выпускников: «Покажут юноши наши в сражениях (*in bellis*) то, чему научились в гимнасии доблести (*in gymnasio virtutis*). Марсова школа отправляет [их] на экзамен» (Cass. Var. V.24).

Проводя свою мысль о необходимости «школы», Кассиодор апеллирует к законам природы, беря примеры из жизни различных животных. В уже упомянутом письме к сиятельному мужу Освину Кассиодор, настаивая на необходимости смолоду учиться ратному делу, поясняет, что и телята вступают друг с другом в единоборства, которым будут предаваться во взрослом возрасте, и щенки еще в детстве учатся охотиться (Cass. Var. I.40.1)⁶. И в упомянутом выше письме Теодориха «Ко всем готам» Кассиодор свой (или королевский) призыв учиться на практике также сопровождает сравнением с поведением хищных птиц, которые выталкивают своих еще слабых птенцов из гнезда, чтобы те не оказались излишне обременены покоем (*ne molle otium consuescant*; Cass. Var. I.24.3).

Как можно видеть, в основе военного воспитания германцев лежит общий для античной педагогики принцип подражания предкам или следования примеру предков (*imitatio maiorum*). Именно подобное воспроизведение обычаев и нравов своих отцов и дедов, передача этого опыта новому поколению цементировало общество,

⁶ Буквально: «играют в охоту» (*venationibus ludunt*).

сохраняя и упрочивая его культурную идентичность⁷. Задача воспитателей, таким образом, сводится к научению молодежи быть такой, какими являются сами «воспитатели» и их предшественники. Собственно, призывом к этому Теодорих и завершает свое послание: «старайтесь таких оставить сыновей, какими, как известно, были отцы ваши» (Cass. Var. I.24.3). Выраженная латинским языком, устами римского ратора Кассиодора эта норма вполне отвечала духу германского общества, историческая память которого была прежде всего родовой памятью, а существование этого общества во времени воспринималось исключительно как воспроизведение устойчивых образцов и типов.

Итак, вернемся к панегирику Эннодия, чтобы еще раз рассмотреть принципы военной подготовки готов. Как видно из приведенного им описания военных игр готской молодежи, тренировки состояли из отработки навыков верховой езды (прямо об этом не сказано, но упоминание вытоптанного поля заставляет предполагать, что упражнения выполнялись верхом на конях), стрельбы из лука и метания дротиков, неотъемлемой частью этих игр было также театрализованное изображение сражений. Не случайно Эннодий противопоставляет их гладиаторским боям, видя прежде всего внешнее сходство этих зрелищ. О военных играх как элементе германской культуры сообщают и более поздние источники. Исидор Севильский в 20-е годы VII в., подводя итог своей истории готов, пишет, что «больше всего они (готы. — В. Т.) любили упражняться с оружием и готовиться к битвам. У них был обычай ежедневных игровых состязаний» (Isid. Hist. 70). А спустя два века Нитхард, говоря уже о франках, рассказывает о традиции устраивать военные игры, бытовавшей у сыновей Людовика Благочестивого: «... большие отряды саксов, гасконцев, австразийцев и бретонцев быстро бросались друг на друга с обеих сторон; при этом одни из них отступали и, прикрывшись щитами, спасались бегством от нападав-

⁷ О месте концепта *mos maiorum* в римском обществе периода Республики и дискуссиях вокруг этого понятия см.: Дементьева (2009). С. 203-212. Следование обычаям предков оставалось нормой аристократического этоса и в эпоху Поздней Античности. См., в частности: Манукян (2018). С. 420.

ших, но потом, в свою очередь, преследовали тех, от кого бежали. Наконец, оба короля, окруженные лучшими юношами, набрасывались друг на друга с громкими криками, выставив вперед копья и, как в настоящей битве, то одна, то другая стороны отступала» (Nith. Hist. III.6; пер. А.И. Сидорова).

Очевидно, что военные упражнения предполагали не только тренировку ловкости, точности в стрельбе, выносливости, физической силы, но и несли в себе агональный дух, подобно тому как сама война, предполагавшая стяжание славы, была проникнута этим духом состязательности⁸. В рассказе Эннодия нет прямого указания на то, что военные игры остготов предполагали выявление победителей и раздачу им каких-либо наград⁹, однако то, что нам известно о менталитете германцев, заставляет предполагать, что участники такого игрового обучения жаждали первенства и победы даже в том, что Эннодий именует *simulacrum congregationis* («подобие, видимость стычки»). Когда же Кассиодор пишет о жажде славы, стяжаемой за доблесть (*virtutis gloriam*, Cass. Var. I.24.1), он вряд ли риторической топижкой замещал действительность.

К влиянию со стороны римской идеологии, пожалуй, следует относить другое, а именно стремление римских авторов засвидетельствовать, что военное воспитание германцев предполагало не только сосредоточенность на войне как таковой, но и формирование у молодежи той нравственной составляющей, которая была близка и понятна прежде всего представителям римской элиты. Не случайно Кассиодор в послании, составленном от имени Теодориха Великого к Бойону, пишет: «постыдно, если юноши наши, уже пригодные для войны, будут слабо подготовлены к устройению своей жизни и окажется так, что те, как видно, способны вести войны, не в состоянии управлять своим домом». И далее римский квестор подчеркивает особо: «тот, кто способен пронзить врага, должен оберегать себя от всякого порока» (Cass. Var. I.38.2)¹⁰. Сложно судить, насколько ус-

⁸ Махлаюк (2006). С. 300.

⁹ Скорее всего, никаких реальных наград или призов для победителей не было. В лучшем случае отличившиеся в игровом состязании воины могли рассчитывать на крики одобрения со стороны зрителей.

¹⁰ В связи с этим можно вспомнить также Иордана, пусть и не римлянина по крови, но вполне разделявшего многие ценностные представления

пешны были попытки римлян навязать пришедшим в Италию готам свои представления о нравственном воспитании воинов. Не будем забывать о том, что слова Кассиодора, написанные от имени короля, прежде всего являются декларацией, в которой представлен некий идеал, не обязательно нашедший отражение в общественной жизни. Бесспорно, что воспитание германского воина предполагало не только приобретение им и тренировку навыков ведения индивидуального боя или в составе группы. Разумеется, слушая сказания и песни, в которых воспевалось прошлое его народа, мальчик или юноша с молодых ногтей впитывал в себя саму идею племенного единства, сохраняемого благодаря доблести и героизму предков, качествам, которые будут требоваться и от него самого и отсутствие каких-либо неизбежно подвергнет весь его род риску погибнуть. Однако источники, созданные римлянами, ничего не сообщая об этом, заставляют исследователей полагаться либо на рассказы Иордана, большинство из которых уходят корнями в устную традицию, либо на песни, записанные в эпоху классического Средневековья¹¹.

Также остается неясным, велико ли было стремление представителей германской военной элиты получить хотя бы основы классического образования. Конечно, среди германцев периода Великого переселения народов было немало людей, следовавших в той или иной степени римскому образу жизни, людей, в том числе образованных людей, и даже преуспевших в литературных занятиях¹². Разумеется, приобщаться к римской культуре могли и варвары, оказавшиеся на военной службе в Империи, прежде всего при дворах императоров, где был доступ к книгам, а также открывалась возможность поддерживать контакты с учителями и просто образованными людьми¹³. Немалую роль, наверное, играло приобщение германцев к христианской религии с ее проповедью иного, нежели в традиционном германском обществе, нравственного идеала. Тем не

римлян, который с восхищением пишет о том, что издавна у готов «отважнейшие мужи, имея маленькую передышку от военных дел, впитывали философские учения» (Iord. *Get.* 70; пер. Е.Ч. Скржинской).

¹¹ Riché (1962). P. 106.

¹² Mathisen (1997). P. 139-148; Goltz (2002). S. 300-302; Тюленев (2019). С. 206-208.

¹³ Goltz (2002). S. 301.

менее, случаи обращения германского молодого человека к занятиям свободными искусствами, как видно из свидетельства Прокопия, скорее были исключением из правил¹⁴. И тот же Прокопий дает понять, что германцы предпочитали, чтобы юноши занимались военными упражнениями, проводя время в компании своих сверстников¹⁵, при этом юношеский дух увлекал молодых людей в те самые пороки, противостоять которым так призывал Кассиодор. Даже если свидетельство Прокопия о том, что те товарищи Аталариха, в кругу которых он по оставлении учителей свободных искусств продолжил свое воспитание, стали побуждать его к пьянству, к общению с женщинами и портили его характер (Proc. *BG* I.3), не имеет под собой реальных оснований, тем не менее картина, созданная византийским историком, не выглядит совершенно неправдоподобной.

Рассмотрим теперь вопрос о сохранении традиций военного воспитания у римлян, живших в Остготской Италии. Эннодий, с панегирика которого началось наше обсуждение темы, стремясь поставить своего героя выше его предшественников, намеренно лукавит, представляя Теодориха Великого своеобразным новатором, заменившим военными играми готской молодежи кровавые гладиаторские бои (Ennod. *Op.* 263.85-86). Можно было бы предположить, что традиционное христианское неприятие как гладиаторских боев, так и театрализованных представлений, привело к забвению обычных для римской культуры практик, и в начале VI в. военные игры остготов вполне могли выглядеть как нечто необычное. Но хорошо известно, что военные игры как элемент развлечения и одновременно тренировок практиковались в римском обществе на протяжении столетий¹⁶, а потому Эннодий, будучи начитанным человеком, о них, безусловно, знал, к тому же память о римских военных играх сохранялась у современников Эннодия. Так, Иордан вспоминает в

¹⁴ Если верить Прокопию Кесарийскому, то королева Амаласунта не просто отдала Аталариха в школу учителя, но приставила к нему трех старейшин, «наиболее умных и достойных» (Proc. *BG* I, 2), по всей видимости, разделявших желание матери дать сыну обычное для римлянина образование.

¹⁵ Riché (1962). P. 105.

¹⁶ Bougard (2012). P. 25; Негин (2010). С. 27; Махлаюк (2006). С. 310.

«Гетике» о военных играх (*militares ludi*), устроенных в начале III в. императором Септимием Севером по случаю рождения сына, и, судя по рассказу этого готского историка, игры включали в себя среди прочего борьбу «способом сцепления тел». Именно победа в этих играх позволяла будущему императору Максимино, варвару по происхождению, проведшему жизнь в деревне, оказаться в императорской гвардии и тем самым начать восхождение к власти (Iord. *Get.* 85-86).

Подобные практики, служившие обучению ратным навыкам и одновременно укреплению духа бойцов в ходе военных кампаний, сохранялись и в восточно-римском обществе VI в. Агафий Миринейский, говоря о событиях войны Юстиниана с остготами, рассказывает, как Нарзес приказал собранные для похода войска «как можно больше обучать военному делу и укреплять их дух ежедневными упражнениями, принуждая их бегать и в порядке вскакивать на лошадей, кружиться в пиррихе, некоем военном танце... чтобы они, живя безопасно на зимовке, не отвыкли совершенно от войны, а затем не ослабели и в самой битве» (Agath. II.1; пер. М.В. Левченко). Поэтому автор Эннодий не мог не сознавать, что подготовка готской молодежи к войне мало чем отличалась от такой подготовки в римской культуре, а пафос его скорее направлен на продвижение мысли о торжестве мира во времена Теодориха, чем на хвалу «новым» культурным практикам, прежде неизвестным римлянам.

Но остается вопрос, сохранялось ли военное воспитание (в форме игр или в иных формах) у римской молодежи периода остготского господства над Италией. Очевидно, что, обращаясь к риторической традиции и читая произведения, большинство из которых исходят из церковных кругов (как в случае с Эннодием), мы оказываемся в плену представлений их авторов о том, что происходило на их глазах, при том что часто личный опыт писателя переносился на общую оценку социального мира. Найдя себя в духовном служении и видя вокруг себя таких, как и он сам, людей книги, Эннодий мог не замечать предпринимаемых представителями римской элиты попыток передать новому поколению сумму навыков, связанных с военной карьерой. В конце концов, полное расставание римлян с идеалами войны и военной службы, даже если учесть влияние на этот процесс пацифистской идеологии христианства, не могло про-

изойти столь стремительно, чтобы за какие-то два-три десятка лет оказались забыты практики, формировавшиеся столетиями.

Доступные нам источники свидетельствуют, по крайней мере, об одном случае, когда римлянин сделал военную карьеру на службе у Теодориха Великого. Речь идет о Киприане, который памятен, прежде всего, как обвинитель сенаторов Альбина и Боэция и виновник их гибели (Анон. *Val.* 85-86). О Киприане известно не так много, но Кассидор, составивший ему письмо от имени короля Аталариха в 527 г., дает возможность понять, что в свое время (возможно, в 504-505 гг.) Киприан в составе готского войска участвовал в походе на Дунай (Cass. *Var.* VIII.21.3), после чего сделал превосходную карьеру в королевстве, став не только патрицием, но и заняв место магистра оффиций¹⁷. Послание, исполненное славословий, завершается хвалой Киприану как отцу, воспитавшему прекрасных сыновей. Как видно, Киприан добился того, чтобы дети его выучили язык готов (Cass. *Var.* VIII.21.7), что, скорее всего, должно было способствовать их успешной политической и военной карьере. Нам в связи с обсуждаемым вопросом особенно важным представляется указание Кассиодора на то, что дети Киприана «не замедлили обучиться военным навыкам». Более того, получение детьми Киприана военных навыков доказывается и на лингвистическом уровне. Кассидор, говоря о воспитании этих юношей и сравнивая их с орлами (*more aquilae*)¹⁸, использует ту же самую метафору, что и в разговоре о военном воспитании остготов (см. выше: Cass. *Var.* I.24.3). Безусловно, в изменившихся политических условиях, когда Италия находилась под властью готских королей, детям Киприана для того, чтобы оказаться на военной службе, пришлось стать «немного готами», выучив язык новых властителей (как и многим готам пришлось стать «немного римлянами», чтобы сознать самим и демонстрировать для других законность своего пребывания в сердце Римской империи).

Подводя итог, нужно еще раз обратить внимание на следующее. Поскольку на рубеже V-VI вв. в Италии политическая власть и

¹⁷ Martindale (1980). P. 332-333.

¹⁸ Образ орла важен для Кассиодора прежде всего тем, что это хищная птица, которая питается добычей (*quorum victus semper ex praeda est*), как и воины, живущие от войны (Cass. *Var.* I, 24, 3).

ее военная составляющая перешли к остготам, источники знакомят нас главным образом с принципами воспитания готского воина, которые сводились к двум основным моментам. Во-первых, молодой человек должен был формироваться, прежде всего, как член этнокультурной общности, для которого безусловной ценностью было бы сохранение и передача существующего опыта; поскольку же мы имеем дело с обществом военизированным, то и опыт этот был в первую очередь военным. Во-вторых, практические навыки, необходимые молодому человеку в бою, отрабатывались в постоянных (если верить текстам, «ежедневных») тренировках, проводимых в форме военных игр. Именно игровое начало наполняло воспитание воина агональным духом. Одновременно с этим, если говорить не только об исторических реалиях, но и о социальных надеждах, римляне, попавшие под власть остготов и стремившиеся заложить фундамент мирного сосуществования с германцами (чтобы римляне и готы стали «как один народ»¹⁹), старались навязать германскому воину нормы христианской и римской морали. Но движение навстречу предполагало и то, что сами римляне неизбежно менялись. Принимая власть готов, некоторые представители римской аристократии, как видно, давали военное воспитание своим детям, стремясь инкорпорировать их в новый военно-политический организм.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Agath. — Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. М., 1996.
- Anon. Val. — Anonymus Valesianus. Pars posterior / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 9. Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. 1. Berlin, 1892. S. 306–328.
- Cass. Var. — Cassiodorus. Variarum / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 12. Berlin, 1904.
- Ennod. Op. — Ennodius M. F. Opera / Ed. F. Vogel // MGH AA Bd. 7. Berlin, 1885.

¹⁹ Эта формула повторяется и в «Вариях» Кассиодора, и у Анонима Валезия. См.: Cass. *Var.* III, 3, 3; Anon. *Val.* XII, 60.

- Iord. Get. — Iordanis De origine actibusque gentis Getarum / ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 5,1. Berlin, 1882. S. 53-138.
- Isid. Hist. — Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Historia gothorum, wandalorum, sueborum / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 11. Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. 2. Berlin, 1894. S. 267-303.
- Nith. Hist. — Нитхард. История в четырех книгах / Пер. А.И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов. М., 1999.
- Proc. BG — Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950.
- Дементьева (2009) — Дементьева В. В. Римская идентичность: формирование традиций гражданского коллективизма // Античный мир и археология. Вып. 13. Саратов, 2009. С. 203–212.
- Манукян (2018) — Манукян Э. М. Род Аполлинариев и социокультурные стратегии галло-римской аристократической фамилии в IV–V вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. 2018. Т. 45. № 3. С. 415–426.
- Махлаюк (2006) — Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006.
- Негин (2010) — Негин А.Е. Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб., 2010.
- Тюленев (2019) — Тюленев В.М. Римская школа на позднеантичном латинском Западе (Южная Галлия и Италия в V – первой половине VI в.). Иваново, 2019.
- Тюленев (2014) — Тюленев В.М. Слово против меча: новое содержание romanitas у Эннодия // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / Под ред. А.В. Махлаюка и О.Л. Габелко. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2014. С. 305-316.
- Шкаренков (2004) — Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004.
- Bougard (2012) — Bougard F. Des jeux du cirque aux tournois: que reste-t-il de la competition Antique ua haut Moyen Âge? // Agôn: la compétition, Ve-XIIIe siècle / Eds. F. Bougard, R. Le Jan, Th. Lienhard. Brepols, 2012. P. 5-41.
- Goltz (2002) — Goltz A. Gelehrte Barbaren? Antike Bildung und germanische Oberschicht in der Spätantike // Gelehrte in Antike / Hrsg. von A. Goltz, A. Luther und H. Schlage-Schöningen. Köln, 2002. S. 297-316.

- Martindale (1980) — Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Mathisen (1997) — Mathisen R. W. Les Barbares intellectuels dans l'Antiquité tardive // Dialogues d'histoire ancienne. Vol. 23. № 2. 1997. P. 139-148.
- Riché (1962) — Riché P. Éducation et culture dans l'Occident barbare. VI-e – VIII-e siècles. Paris, 1962.
- Vitiello (2006) — Vitiello M. Il principe, il filosofo, il guerriero: Lineamenti di pensiero politico nell'Italia ostrogota. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006.

Vladimir M. TYULENEV

MILITARY EDUCATION IN OSTROGOTHIAN ITALY

(AT THE TURN OF 5TH – 6TH CENTURIES)

In the article, traditions of military education in Ostrogothian Italy and their interpretation in rhetoric are analyzed predominately in the works of Ennodius and Cassiodorus. It is indicated that under new political circumstances after the establishment of the power of Theodoric the Great, when the Romans were overwhelmingly discharged from military duties, the pedagogical efforts of the Roman elite representatives turned out to be aimed at teaching children liberal arts and, above all, rhetoric. The sources, on the other hand, testify mainly to the education of the military spirit and the formation of combat skills among Gothic youth. The article shows that the main goal of educating a Goth warrior was to reproduce the image of ancestors (father, grandfather) in a young man and form a set of qualities traditional for a warrior, united in the concept of valour (*virtus*). A special place in this process was occupied by the military games (*militares ludi*), during which the skills of riding, archery, etc. were perfected; the most important principle of such education was the principle of competitiveness (the agonal spirit of education). At the same time, Roman rhetoric imposed a moral ideal on the German tradition of educating warriors; according to Cassiodorus, a man who owns a weapon should strain after moral purity. The article also shows that the children of Roman aristocrats could receive military education in Ostrogothian Italy, which could have become possible due to the erosion of cultural identity and incorporation into German society.

REFERENCES

- Agath. — Agafii Mirineiskii. O tsarstvovanii Yustiniana / Per. M.V. Levchenko. M., 1996.
- Anon. Val. — Anonymus Valesianus. Pars posterior / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 9. Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. 1. Berlin, 1892. S. 306–328.
- Cass. Var. — Cassiodorus. Variarum / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 12. Berlin, 1904.
- Ennod. Op. — Ennodius M. F. Opera / Ed. F. Vogel // MGH AA Bd. 7. Berlin, 1885.
- Iord. Get. — Iordanis De origine actibusque gentis Getarum / ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 5,1. Berlin, 1882. S. 53-138.
- Isid. Hist. — Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Historia gothorum, vandalorum, sueborum / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 11. Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. 2. Berlin, 1894. S. 267-303.
- Nith. Hist. — Nitkhard. Istoriya v chetyrekh knigakh / Per. A.I. Sidorova // Istoriki epokhi Karolingov. M., 1999.
- Proc. BG — Prokopii Kesariiskii. Voyna s gotami / Per. S.P. Kondrat'eva. M., 1950. Dement'eva (2009). — Dement'eva V.V. Rimskaya identichnost': formirovanij tradicij grazhdanskogo kollektivizma // Antichnyj mir i arheologiya. Vyp. 13. Saratov, 2009. S. 203-212.
- Manukyan (2018) — Manukyan E.M. Rod Apollinarijev i sociokul'turnye strategii gallo-rimskoj aristokratscheskoj familii v 4–5 vv. // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. 2018. T. 45. № 3. S. 415-426.
- Mahlayuk (2006) — Mahlayuk A.V. Soldaty Rimskoj imperii. Tradicii voennoj sluzhby i voinskaya mental'nost'. SPb., 2006.
- Negin (2010). — Negin A.E. Rimskoe ceremonial'noe i turnirnoe vooruzhenie. SPb., 2010.
- Shkarenkov (2004) — Shkarenkov P.P. Rimskaya tradiciya v varvarskom mire. Flavij Kassiodor i ego epoha. M., 2004
- Tyulenev (2019) — Tyulenev V.M. Rimskaya shkola na pozdneantichnom latinskom Zapade (Yuzhnaya Galliya i Italiya v 5 – pervoj polovine 6 v.). Ivanovo, 2019.
- Tyulenev (2014) — Tyulenev V.M. Slovo protiv mecha: novoe sodержanie romanitas u Ennodiya // ANTIQVITAS AETERNA. Povolzhskij

- antikovedcheskij zhurnal. Vyp. 4: Istorija ponyatij, kategorial'nyj apparat sovremennoj istoricheskoy nauki i problemy (re)konstrukcii proshlogo / Pod red. A.V. Mahlayuka i O.L. Gabelko. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet, 2014. S. 305-316.
- Bougard (2012) — Bougard F. Des jeux du cirque aux tournois: que reste-t-il de la competition Antique ua haut Moyen Âge? // *Agôn: la compétition, Ve-XIIe siècle* / Eds. F. Bougard, R. Le Jan, Th. Lienhard. Brepols, 2012. P. 5-41.
- Goltz (2002) — Goltz A. Gelehrte Barbaren? Antike Bildung und germanische Oberschicht in der Spätantike // *Gelehrte in Antike* / Hrsg. von A. Goltz, A. Luther und H. Schlage-Schöningen. Köln, 2002. S. 297-316.
- Martindale (1980). — Martindale J.R. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. AD 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Mathisen (1997) — Mathisen R. W. Les Barbares intellectuels dans l'Antiquité tardive // *Dialogues d'histoire ancienne*. Vol. 23. № 2. 1997. P. 139-148.
- Riché (1962) — Riché P. *Éducation et culture dans l'Occident barbare. VI-e – VIII-e siècles*. Paris, 1962.
- Vitiello (2006) — Vitiello M. *Il principe, il filosofo, il guerriero: Lineamenti di pensiero politico nell'Italia ostrogota*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006.